

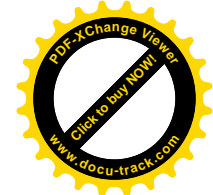
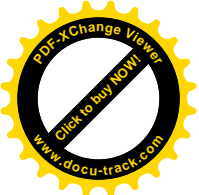
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

Управление Федеральной антимонопольной службы по Саратовской области

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ

*Сборник научных трудов
по материалам VI Международной научно-практической конференции
(Саратов, 22 ноября 2017 г.)*

Саратов
2017

УДК 346.546 (082)
ББК 67.404я43
А43

*Настоящее издание не является сборником тезисов докладов, так как представленные материалы различны по объему и форме подачи.
Каждый из авторов имел возможность выбрать свой стиль изложения, который он считал наиболее приемлемым.
Все тексты публикуются в авторской редакции.*

А43 **Актуальные проблемы юридической науки и практики в сфере защиты конкуренции:** сб. науч. тр. по матер. VI Междунар. научно-практ. конф. (Саратов, 22 ноября 2017 г.) / ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. – 88 с.

ISBN 978-5-7924-1320-7

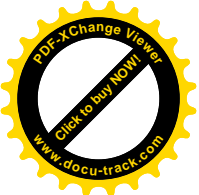
Сборник содержит материалы VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики в сфере защиты конкуренции», проходившей в Саратовской государственной юридической академии 22 ноября 2017 года.

Предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов, ученых-юристов, практических работников.

УДК 346.546(082)
ББК 67.404я43

ISBN 978-5-7924-1320-7

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017

Уважаемые читатели!

С удовольствием представляю Вашему вниманию сборник докладов участников VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики в сфере защиты конкуренции».

Данная конференция – это уже не просто традиция, зародившаяся в рамках сотрудничества Управления Федеральной антимонопольной службы по Саратовской области и ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», но и ставшая авторитетной площадкой для обмена научным и практическим опытом в сфере защиты конкуренции.

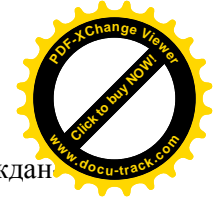
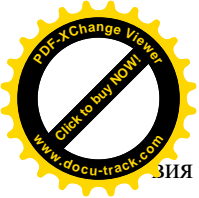

В этом году мероприятие внесено в план научной работы ФАС России на 2017 год. План был разработан во исполнение Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации, утвержденной Правительством РФ на период 2013-2024 гг.

В сборнике вниманию читательской аудитории представлена квинтэссенция опыта теоретиков и практиков, занимающихся проблемами защиты конкуренции.

Желаю полезного чтения, найти ответы на интересующие вопросы и получить стимул к дальнейшей работе в непростой сфере защиты конкуренции.

*С уважением,
руководитель Саратовского УФАС России
Л.Н. Борисова*

зия должны отвечать целям предупреждения и не могут выходить за пределы мер, необходимых для прекращения действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства, устранения причин и условий, способствовавших возникновению такого нарушения, а также его последствий.

Данная позиция нашла отражение в Постановлении Президиума ВАС РФ от 15.04.2014 № 18403/13, в Обзоре по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере¹⁴¹, согласно которым судебный контроль при обжаловании предупреждения как при проверке его соответствия закону, так и при оценке нарушения им прав и законных интересов должен быть ограничен особенностями вынесения такого акта, целями, достигаемыми этим актом, соразмерностью предписанных мер и их исполнимостью.

Чикулаев Роман Владимирович

кандидат юридических наук,
кандидат экономических наук, доцент
доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»

Субъекты защиты конкуренции как особые участники оборота ценных бумаг

Автором последовательно отстаивается позиция, согласно которой самостоятельным объектом фундаментального юридического исследования (в доктринальном аспекте) и правового регулирования (в легальном и юридико-практическом аспекте) является особое социально-экономическое явление – оборот ценных бумаг¹⁴². Правовой механизм оборота ценных бумаг основывается на двух крупнейших и равных по значению элементах, а именно: 1) правовой режим ценных бумаг (входящих в более широкую категорию «финансовый инструмент») как объектов отношений, 2) юридический статус разного рода субъектов отношений. Ценные бу-

маги как юридическое явление, объект гражданских прав, подверглись наиболее тщательному исследованию в период с XIX в. по настоящее время. В целом научный дискурс оказался как бы смещенным в сторону объектов отношений в ущерб субъектам, в то время как существование объектов самих для себя бессмысленно. Объекты прав приобретают свою ценность, лишь становясь предметом интереса субъектов как активных участников правоотношений, без которых само возникновение экономического или правового отношения будет невозможным.

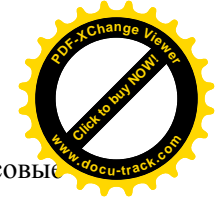
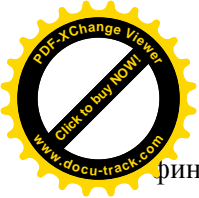
Весь массив субъектов отношений в сфере оборота ценных бумаг можно подразделить на два суперкласса. Первый класс – общие субъекты. Это граждане и юридические лица, которых принято обозначать расширительным понятием «инвесторы», которые вступают в отношения лишь по мере возникновения у них личной потребности в осуществлении действий с ценными бумагами. Второй класс – специализированные субъекты, которые играют выраженную институциональную роль на финансовых рынках. Их правовой статус, как правило, особо регулируется нормативными актами, зачастую с применением метода ограничения правоспособности с использованием инструментов лицензирования и саморегулирования. Специализированные субъекты могут быть классифицированы по различным основаниям, в том числе по их функциональной роли в системе отношений, связанных с оборотом ценных бумаг. В современных условиях можно выделить несколько десятков специализированных субъектов. В настоящей статье мы уделяем внимание субъектам с особыми задачами, а именно – субъектам, призванным обеспечить защиту конкуренции на финансовых рынках.

Такие субъекты в силу их существа не относятся к категории специализированных «в чистом виде», их выделение обусловлено не *функционально-ориентированной*, а *иной ролью* в правоотношениях. Эта роль связана не с выполнением какой-либо необходимой или сервисной функции, а с другими причинами. Основные из таких причин: потребность в установлении если не единого правового статуса, то хотя бы *общих юридических признаков* для группы субъектов либо *административных* (к примеру, антимонопольных) отношений, либо *пограничных отношений*, одновременно регулирующих различные виды сходной деятельности в сфере ценных бумаг. Поэтому выделение таких «субъектов» является собирательным и несколько *условным*.

Новейшая история правового регулирования конкуренции в сфере финансового рынка берет начало в ранних 1990-х гг. Так первые юридические правила и ограничения совершения сделок с

¹⁴¹ Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, сентябрь 2016 г., № 9.

¹⁴² См. напр.: Р.В. Чикулаев. Современные тенденции гражданского законодательства России в сфере оборота ценных бумаг // Вестник Омского университета. Сер. «Право». 2012. № 1 (30). С. 74-82

финансовыми инструментами были предусмотрены старейшим из действующих (в составе одной статьи, что можно признать юридическим нонсенсом) Законом РСФСР о конкуренции¹⁴³, а также некоторыми Указами Президента РФ¹⁴⁴, Постановлениями Правительства РФ и подзаконными актами первого органа антимонопольного контроля – ГКАП РФ (позднее – МАП РФ).

Поскольку Закон РСФСР о конкуренции преимущественно (хотя и не исключительно, несмотря на название) был ориентирован на товарно-рыночные отношения, в 1999 г. был принят специальный федеральный закон, выделивший защиту конкуренции в сфере финансовых услуг¹⁴⁵. Действовавший вплоть до отмены в 2006 г., указанный Закон следует признать прогрессивным элементом построения правовой модели конкуренции в сфере финансовых рынков и услуг. Пришедшее на смену старым законам современное законодательство является намного более объемным, но пока не решает всех задач обеспечения конкурентной финансово-рыночной среды.

Дадим юридическую характеристику основным субъектам конкурентных отношений оборота ценных бумаг.

1. «*Финансовая организация*». Признается участником правоотношений в силу прямого указания в законе. Главной характеристикой является выраженный собирательно-обобщающий характер субъекта: так как под одним и тем же понятием «*финансовая организация*» законодатель подразумевает *три различных* субъекта, поразному раскрытых в *трех* разных нормативных актах. Такое обобщение приводит к размыванию содержания легальных понятий, что оценивается как *недостаток*, требующий скорейшего устранения. Конструкция субъекта *суммативная*: она составляется из характеристики других субъектов, все из которых относятся к числу участников отношений. Выделим каждое.

а) На основе норм Федерального закона «О защите конкуренции»¹⁴⁶ «финансовую организацию» можно аналитически определить как: юридическое лицо любой организационно-

правовой формы¹⁴⁷, оказывающее финансовые услуги перечисленные в законе (банковские, страховые, в сфере рынка ценных бумаг, по привлечению или размещению денежных средств). Характерно, что закон устанавливает перечень лиц, которые могут включаться в категорию «финансовой организации» по принципу *numerus clausus*, перечисляя их закрытым перечнем. Представим субъекты, сгруппировав их по характеру правоспособности: 1) кредитные организации, 2) микрофинансовые организации, 3) кредитные потребительские кооперативы¹⁴⁸, 4) субъекты страховой деятельности (страховщики, страховые брокеры, общества взаимного страхования), 5) субъекты биржевой деятельности (фондовые и валютные биржи)¹⁴⁹, 6) ломбарды, 7) лизинговые компании¹⁵⁰, 8) субъекты негосударственного пенсионного обеспечения (негосударственный пенсионный фонд, управляющая компания негосударственного пенсионного фонда, специализированный депозитарий негосударственного пенсионного фонда), 9) субъекты

¹⁴⁷ Нужно уточнить, что закон подразумевает возможность выступать в качестве «хозяйствующего субъекта» не только для юридического, но и для физического лица. С учетом действующей системы норм о субъектах рынка ценных бумаг участие физических лиц в специализированной деятельности невозможно. Но, как было раскрыто в предыдущих частях исследования, с учетом истории и принципов развития законодательства о ценных бумагах, не исключается принципиальная возможность, в том числе путем легальной регрессии, допуска физических лиц к исполнению роли субъектов такой деятельности.

¹⁴⁸ Субъекты под цифрами 2) и 3) не могут быть сгруппированы, так как закон не относит их к какой-то единой группе лиц, а использует принцип непосредственного функционального регулирования деятельности. См.: О кредитной кооперации: ФЗ РФ от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ // Рос. газета. 2009. 24 июля.; О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях: ФЗ РФ от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ // Рос. газета. 2010. 7 июля. Однако с т. зр. характера регулируемых отношений таких субъектов можно было бы объединить в группу субъектов *потребительско-кредитной* деятельности.

¹⁴⁹ Нельзя не отметить, что понятия «фондовой» и «валютной» биржи с вступлением в силу Федерального закона «Об организованных торгах», не предусматривающим таких субъектов вообще, становятся понятиями с нулевым объемом, теряют смысл, что само по себе не может не сказаться на объеме родового понятия «финансовой организации».

¹⁵⁰ Субъекты под цифрами 6) и 7), аналогично субъектам под цифрами 2) и 3), также подвержены функционально-правовому регулированию, но, по нашему мнению, с теоретических позиций и характера отношений их можно объединить в группу субъектов *злогово-кредитной* деятельности. См.: О ломбардах: ФЗ РФ от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ // Российская газета. 2007. 31 июля.; О финансовой аренде (лизинге): ФЗ РФ от 29 окт. 1998 г. № 164-ФЗ. Рос. газета. 1998. 5 ноября. В свою очередь, сходный характер отношений, связанных с кредитованием, явно указывает на общность субъектов, выделенных под цифрами с 1), 2), 3), 6) и 7) и вполне позволяет объединить их в единую группу субъектов *кредитно-финансовой* деятельности.

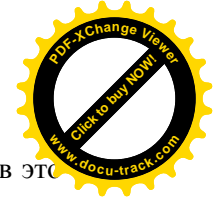
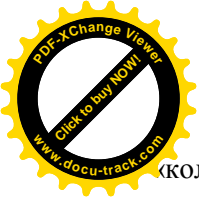
¹⁴³ О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2-3.

¹⁴⁴ Напр.: О едином экономическом пространстве РСФСР: Указ Президента РСФСР от 12 дек. 1991 г. № 269 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991, № 51, ст. 1830.

¹⁴⁵ О защите конкуренции на рынке финансовых услуг: ФЗ РФ от 23 июня 1999 г. № 117-ФЗ // Российская газета. 1999. 29 июня.

¹⁴⁶ О защите конкуренции: ФЗ РФ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Российская газета. 2006. 27 июля.

«коллективного инвестирования» (управляющая компания инвестиционного фонда, управляющая компания паевого инвестиционного фонда, специализированный депозитарий инвестиционного фонда, специализированный депозитарий паевого инвестиционного фонда) 10) профессиональные участники рынка ценных бумаг (брокеры, дилеры, управляющие, регистраторы, депозитарии, организаторы торговли, фондовые биржи, субъекты клиринга)¹⁵¹.

Таким образом, закон использует *двоякий подход* к категории «финансовой организации»: *одновременно* через характеристику *видов* деятельности и путем *numerus clausus*, что вряд ли можно признать правильным с формально-логических позиций. При этом общее количество субъектов, относящихся к этой категории с позиций действующего закона, составляет *двадцать пять!* Из них собственно субъектами оборота ценных бумаг можно признать двадцать один субъект. Четыре субъекта (микрофинансовые организации, потребительские кооперативы, ломбарды и лизинговые компании) не являются участниками оборота ценных бумаг в принципе. Но заметим, что закон «забыл» упомянуть таких важнейших участников как *акционерный инвестиционный фонд, организатора торговли и клиринговую организацию*. В отношении двух последних объяснение можно найти в том, что в Закон «О защите конкуренции» просто не были внесены изменения, связанные с новым законодательством о клиринге и организованных торгах, то в части «акционерного инвестиционного фонда», мы имеем дело с *упущением законодателя*. Как видно, *большинство* из субъектов все же относятся к сфере оборота ценных бумаг.

б) Анализ норм Федерального закона «Об организованных торгах»¹⁵² позволяет выявить следующее содержание понятия «финансовая организация». Закон определяет понятие не через характер деятельности или правовую форму, а лишь *суммативным* путем с использо-

ванием принципа *numerus clausus*, включая в это понятие: 1) профессиональные участники рынка ценных бумаг (брокеры, дилеры, управляющие, регистраторы, депозитарии, организаторы торговли, фондовые биржи, субъекты клиринга), 2) клиринговые организации, 3) управляющие компании инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, 4) специализированные депозитарии инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, 5) акционерные инвестиционные фонды, 6) кредитные организации (банки и небанковские кредитные организации), 7) страховые организации¹⁵³, 8) негосударственные пенсионные фонды, 9) организаторы торговли.

Исходя из такого определения, общее число субъектов в форме юридического лица¹⁵⁴, имеющих специальную правоспособность, составляет *семнадцать*. То есть понятие «финансовой организации» под пунктом б) более узко, чем под пунктом а). В него не включены микрофинансовые организации, кредитные потребительские кооперативы, ломбарды, лизинговые компании, страховые брокеры, общества взаимного страхования, валютные биржи, то есть те субъекты, которые *не специализируются* на деятельности в сфере оборота ценных бумаг.

в) Позиция, выраженная в Федеральном законе «О клиринге...»¹⁵⁵, сходна с позицией, отраженной в Федеральном законе «Об организованных торгах», что объясняется близким периодом принятия законов, а также сходством регулируемых отношений. Но при полном омонимическом совпадении эти понятия являются *разными* по объему. Так уже третье по счету понятие «финансовой организации», также построенное по принципу закрытого перечня, включает в себя: 1) профессиональных участников рынка ценных бумаг (брокеры, дилеры, управляющие, ре-

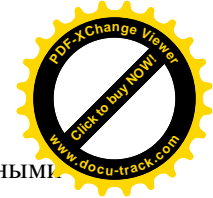
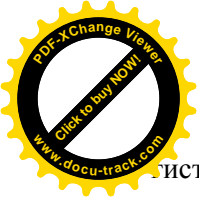
¹⁵¹ Уточним, что под «профессиональными участниками рынка ценных бумаг» здесь и далее мы, в целях решения поставленной задачи исследования содержания субъектов оборота ценных бумаг, понимаем исключительно тех лиц, которые прямо указаны в качестве таковых в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг». С этих же позиций указанные субъекты охарактеризованы нами под пунктами с 1 по 8 настоящей части работы. В связи с этим нужно иметь в виду возможность разночтений в силу эквивокационного смещения понятий «клиринговая организация», «организатор торговли», «фондовая биржа», вызванного одновременным использованием понятий в законах, завершающих свое действие в 2013-2014 гг. и соответствующих новых законах, вступающих в действие в эти периоды.

¹⁵² Об организованных торгах: ФЗ РФ от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ // Российская газета. 2011. 26 ноября.

¹⁵³ Кратко заметим, что в отношении субъектов страхового дела нет однозначности в определениях. Закон одновременно оперирует понятиями «страховая организация» и «страховщик», раскрывая лишь последнее из них. Вопрос же отождествления этих понятий, тем не менее, остается вопросом толкования закона, но не его непосредственного применения. Сказанное относится ко всем случаям, когда в настоящем исследовании субъекты страхового дела затрагиваются при характеристике отношений в сфере ценных бумаг. См.: Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27 ноября. 1992 г. № 4015-1 // Российская газета. 1993. 12 января.

¹⁵⁴ Здесь и далее при анализе категории «финансовая организация» мы, исходя из принципов позитивного права, не включаем в нее условный субъект – «паевой инвестиционный фонд».

¹⁵⁵ О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте: ФЗ РФ от 7 февраля 2011 № 7-ФЗ // Российская газета. 2011. 11 февраля.

регистраторы, депозитарии, организаторы торговли, фондовые биржи, лица, осуществляющий клиринг), 2) клиринговые организации, 3) управляющие компании инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда, 4) специализированные депозитарии инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда, 5) акционерные инвестиционные фонды, 6) кредитные организации (банки и небанковские кредитные организации), 7) страховые организации, 8) негосударственные пенсионные фонды, 9) валютные биржи, 10) товарные биржи. Всего – *восемнадцать лиц*, большинство из которых являются специализированными участниками оборота ценных бумаг. По сравнению с пунктом б), в этом понятии к числу «финансовых организаций» не отнесены организаторы торговли, но вместо этого почему-то указаны валютная и товарная биржи. Отсутствие такого лица как «торговая система», равно как и указание на «товарные и валютные биржи» видится абсолютно *необоснованным* хотя бы с учетом того, что такие понятия не только утрачивают свое значение с 1 января 2014 г., но и вообще никогда *не были предусмотрены* базовым законом о биржах¹⁵⁶.

Сделаем краткие выводы. Понятие «финансовой организации», закрепленное в трех современных законах и в каждом из них имеющее свое особое значение, безусловно, требует корректировки. Необходимо решить вопрос о *целесообразности* сохранения такого понятия вообще в силу его *крайне широкого объема* и затруднительного выделения *общих признаков* у субъектов. Если такое понятие и имеет право на существование, оно, на наш взгляд, должно относиться сугубо к сфере *антимонопольного* регулирования. В частных законах о клиринге и организованных торгах можно применить иные средства юридической техники, не используя расширительных определений.

Само название «финансовая организация» *не выглядит удачным* в силу того, что экономическое понятие «финансы» подразумевает систему общественных отношений по формированию и перераспределению денежных фондов, а юридически понятие закреплено по-разному, но преимущественно в публично-бюджетном значении¹⁵⁷. В понимании финансового права «финансы – одна из экономических категорий,

развитие которой связано с товарно-денежными отношениями и существованием государства, использующего эту категорию для выполнения своих задач... Их содержанием являются только те из [отношений], посредством которых образуются денежные фонды государства, его территориальных подразделений, а также предприятий, организаций, учреждений»¹⁵⁸.

Понятие «финансы» применимо и к отдельным юридическим лицам, но оно является универсальным, так как внутренние финансовые отношения характерны для любой организации. Поэтому понятие «финансовая организация» настолько же широко, как понятие «коммерческая организация, то есть лишено достаточного *смысла*. Таким образом, «финансовая организация» может быть охарактеризована как субъект с крайне неустойчивым объемом правоактивности *обобщенного типа*, вступающий в отношения узкого круга в установленных законом случаях.

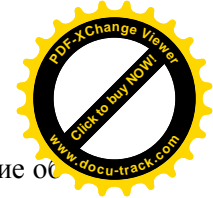
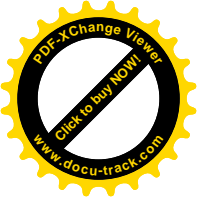
2. «Контролирующее лицо». Как и рассматриваемое ниже «подконтрольное лицо» отнесен в число субъектов по не вполне явной, но существенной причине. Как и «финансовая организация», эти субъекты «призваны» к участию в обороте ценных бумаг исключительно для целей установления *характера связей и степени взаимозависимости* в сложной цепочке отношений. Субъекты начинают выполнять свою роль именно в случаях антимонопольного регулирования и еще в некоторых особых случаях. К числу последних относятся две группы: а) отношения по проведению организованных торгов и б) отношения по осуществлению клиринговой деятельности. Поэтому соответствующие законы об организованных торгах и клиринге абсолютно одинаково определяют правовое положение указанных субъектов.

«Контролирующим лицом» выступает юридическое или физическое лицо, наделенное некоторыми полномочиями в силу определенных обстоятельств. Однако, дословно совпадающие нормы ст. 2 Закона «Об организованных торгах» и ст. 2 Закона «О клиринге...» сформулированы так, что уяснение правового статуса данного субъекта возможно только методом толкования. К числу полномочий субъекта относятся два основных: 1) право «*распоряжаться* более 50 процентами голосов в высшем органе управления подконтрольной организацией», 2) право «*назначать* (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации».

¹⁵⁶ См.: О товарных биржах и биржевой торговле: Закон Российской Федерации от 20 февраля 1992 г. № 2383-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 18. Ст. 961.

¹⁵⁷ См. напр. Бюджетный Кодекс Рос. Федерации (статьи 5, 6, 8, 12, 23.1, 29 и др.) от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Российская газета. 1998 12 августа.

¹⁵⁸ Финансовое право. Отв. ред. Химичева Н.И. М. Юрист. 2004. С. 5-8.

Второе право в целом доступно для восприятия и подразумевает возможность оказывать влияние на формирование исполнительного органа подконтрольного лица. В силу ст. 40 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹⁵⁹ исполнительные органы *избираются*, а в силу ст. 69 Федерального закона «Об акционерных обществах»¹⁶⁰ – *образуются*, но не *назначаются*. Законодателю следует быть точнее в формулировках. А вот первое право требует объяснения. В силу гражданско-правовых принципов распоряжение есть правомочие определять юридическую судьбу объекта. Поэтому «распоряжаться голосами» вряд ли возможно, скорее, речь идет о возможности иметь голоса в силу обладания акциями или долями. Понятно, что голоса, вытекающие из такого обладания, могут быть использованы или не использованы правообладателем по его усмотрению, но само наличие определенного числа голосов, соответствующих количеству акций или долей имеет место всегда. То есть статус контролирующего лица возникает у субъекта не в силу «распоряжения», а в силу самого обладания соответствующим количеством (более 50 процентов от общего числа) голосов. Корпоративно-правовыми инструментами (договор доверительного управления, акционерное или иное соглашение и т.п.) права использования голосов могут реализовываться по-разному, но говорить о «распоряжении» голосами вряд ли возможно.

Конструкция «контролирующего лица» основана не только на правомочиях, но и на способах их реализации. Воздействие на «подконтрольное лицо» возможно: 1) прямо (то есть в случае непосредственной правовой связи между «контролирующим лицом» и «подконтрольным лицом»); 2) косвенно (когда между «контролирующим лицом» и «подконтрольным лицом» существуют лица-посредники, каждое из которых является «подконтрольным лицом» по отношению к вышестоящему лицу и одновременно «контролирующим лицом» по отношению к лицу нижестоящему). Инструментами правового воздействия «контролирующего лица» на «подконтрольное лицо» могут выступать: а) отношения участника (акционера, учредителя) в «подконтрольном лице», б) договор доверительного управления имуществом, в) договор простого товарищества, г) договор поручения, д) акционерное соглашение, е) иное (то есть любое, в том

числе не поименованное в законе) соглашение об осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) «подконтрольного лица».

Таким образом, правоспособность «контролирующего лица» характеризуется как *условная* (возникающая при наличии факторов, приводящих к отношениям контроля), *темпоральная* (лишь на период времени действия отношений контроля), *обобщенного* типа. В качестве «контролирующего лица могут выступать» различные субъекты оборота ценных бумаг, причем как общей, так и специальной правоспособности. Основная роль данного субъекта в отношениях – служить средством урегулирования и контроля правомерности отдельных видов отношений в тех случаях, когда для защиты интересов всех субъектов оборота имеет особое значение факт взаимозависимости *отдельных участников* такого оборота. То есть «контролирующее лицо» есть довольно парадоксальный пример субъекта *инструментарного* значения, «субъекта-средства».

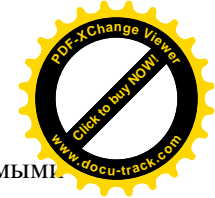
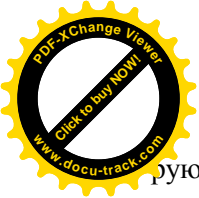
3. «Подконтрольное лицо». Его правовое положение является полностью *взаимосвязанным* с положением «контролирующего лица», вытекает из него. Оба субъекта являются *парными*, то есть не вступают в отношения порознь. Следовательно, роль, значение, и характеристики этих лиц в системе отношений являются одинаковыми. Легальная дефиниция «подконтрольного лица» также дословно совпадает в ст. 2 Закона «Об организованных торгах» и ст. 2 Закона «О клиринге...». С точки зрения юридической экономии можно поставить вопрос о *разумности такого дублирования*. Соответствующие легальные понятия вполне могут быть установлены в одном правовом акте, а для установления правовой регулятивной связи можно использовать способ отсылки.

Главной особенностью «подконтрольного лица» выступает правовая форма. Субъектом может быть лишь юридическое лицо (в отличие от парного ему «контролирующего лица»). Поэтому закон абсолютно излишне, устанавливает для субъекта *дублирующее* понятие-синоним «*подконтрольная организация*». В части организационно-правовой формы полагаем, что «подконтрольным лицом» может быть юридическое лицо *любой формы и вида*. Хотя рассматриваемые отношения обычно имеют предпринимательский характер, а их субъекты создаются в формах хозяйственных обществ, закон в принципе допускает существование субъекта в иных формах. Возникновение отношений контроля при этом предполагается через широкую категорию «*участия*» субъекта в объекте контроля. Не усматривается ограничений и по форме собственности. Исходя из сказанного, и «контроли-

¹⁵⁹ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон Рос. Федерации от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1998. 17 февраля.

¹⁶⁰ Об акционерных обществах: ФЗ РФ от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Российская газета. 1995 г. 29 декабря.

рующее», и «подконтрольное лицо» характеризуются правоспособностью *обобщенного типа* и являются легально факультативными. Характер их деятельности в сфере оборота ценных бумаг может быть определен лишь в каждом конкретном случае, в зависимости от того, какой субъект «первого порядка» (операционный, сервисный, вспомогательный) подлежит квалификации с позиций антимонопольного регулирования как «контролирующий» или «подконтрольный».

В качестве краткого комментария отметим, что в сфере оборота ценных бумаг и финансово-рыночных отношений чрезвычайно большую роль играют иные понятия-субъекты, не являющиеся специализированными в рассмотренном нами смысле. В числе таковых в порядке постановки проблемы отметим понятие «аффилированных лиц», предусмотренное парадоксально действующей единственной статьей 4 Закона РСФСР о конкуренции, а также поглощаемых этим понятием иных субъектов, входящих в понятие «группы лиц», предусмотренное статьей 9 Федерального закона «О защите конкуренции». В действующих нормативных конструкциях однозначное определение числа субъектов, ступенчато относящихся сначала к группе лиц, а затем к аффилированным лицам, представляется невозможным с позиций формальной логики и русского языка. Необходимость применения метода юридического толкования, в том числе с использованием судебной практики, видится методологически неверной, поскольку важнейшие нормы законов должны быть понятны и непротиворечивы. Сегодняшняя ситуация с неопределенными правовыми понятиями влечет существенные риски для участников финансовых рынков¹⁶¹ и может сыграть деструктивную роль в развитии финансового сектора, что требует незамедлительной корректировки соответствующих норм закона.

Шварц Лариса Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

К вопросу о доказывании существования картельных соглашений

¹⁶¹ Так согласно Указанию Банка России № 3533-У от 15.01.2015 финансовые организации обязаны представлять ежеквартальный отчет о своих аффилированных лицах, ошибочность сведений о которых влечет риски серьезного административного наказания.

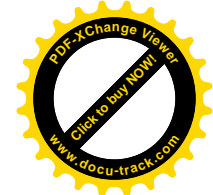
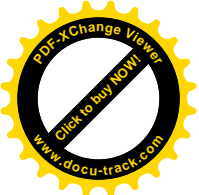
Картельные соглашения признаются самыми трудно доказуемыми нарушениями антимонопольного законодательства как в России, так и за рубежом. В России предприняты собственные попытки узаконенного противостояния заключению картельных соглашений. В Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» сформулированы понятия недобросовестной конкуренции, монополистической деятельности¹⁶². Заметим, что в Европейском союзе и Соединенных Штатах Америки отсутствует легальное определение картеля. Применительно к российскому законодательству разновидностью монополистической деятельности является как раз ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов.

Так, согласно ч.1 ст. 11 Закона о защите конкуренции признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, если такие соглашения приводят или могут привести к: установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); сокращению или прекращению производства товаров; отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

Однако, сформулированное в законе определение картеля не дает желаемого результата: на практике весьма сложно зафиксировать наличие картельного сговора, поскольку сохраняющие финансовую и организационную самостоятельность хозяйствующие субъекты имеют возможность не оставлять физических носителей, подтверждающих наличие соглашения об ограничении конкуренции. В случае если нет прямых доказательств наличия картельного сговора, для доказательства его существования необходимо опираться на косвенные признаки.

Получение информации о зачастую тайных соглашениях между фирмами требует значительных усилий и затрат со стороны антимонопольных органов. Федеральная антимонопольная служба России, в отличие от большинства антимонопольных органов в мире, не имеет полномочий на самостоятельное осуществление оперативно-розыскных действий, что существенно ограничивает возможности борьбы с картелями: даже при сравнительно высоких санкциях вероятность их применения (т. е. раскрытия картеля)

¹⁶² Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ
В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ**

*Сборник научных трудов
по материалам VI Международной научно-практической конференции
(Саратов, 22 ноября 2017 г.)*

В авторской редакции

Вне плана

Подписано в печать 21.11.2017 г. Формат 60x84 ¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. 7,89. Тираж 100 экз. Заказ 493.

Издательство ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия».
410056, Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, Саратов, ул. Вольская, 1.